

9(с)12

0-66

АКАДЕМИК А.С. ОРЛОВ

ладимир

МОНСМАХ

1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

Z. 1706

K

Стручков
1947.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

А К А Д Е М И К
А. С. О Р Л О В

ИЗ КНИГ
С. П. Григорова

9(с)12
066

Владимир Мономах

ПРОВЕРЕНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1946

ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА
И. М. С.
Инв. № 1706

Под общей редакцией Комиссии АН СССР
по изданию научно-популярной литературы

Председатель Комиссии Президент АН СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент АН СССР
П. Ф. ЮДИН

ВВЕДЕНИЕ

Редко можно встретить в истории столь величественный и в то же время столь человечный образ, как Владимир Мономах. Эти свойства непосредственно вытекают из прямых о нем данных в средневековой книжности и поражают своей вековой стойкостью в ней. Свойства эти слагаются в образ еще до научной их обработки и вызывают бережное к себе отношение и доверие.

С другой стороны, отсюда же возникает потребность убедиться в действительности данного образа, потребность освободить его носителя от скупого схематизма средневековой книжности и растолковать применительно к новым текущим историко-социальным представлениям. Развитие и рост взглядов историков и литературоведов также вызывают в нас бережное отношение к их сменяющимся высказываниям о Мономахе.

Сообщая в предлагаемой книге и прямые данные письменности и их ученые истолкования, мы одинаково стремились по возможности не нарушать их назойливым вмешательством, чтобы не обесцветать индивидуальных восприятий и воссозданий образа Мономаха.

В этом историографическом ряду находят себе место и наши собственные воззрения на Мономаха, которые неизбежно основываются на признании его великих заслуг перед Родиной.

А. Орлов

ГЛАВА I

ЛЕТОПИСНЫЕ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ДАННЫЕ ДЛЯ БИОГРАФИИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

В пору феодального средневековья среди правящей группы князья периодически встречаются деятели, которые поддерживали возможную законность в тогдашнем порядке правления и способствовали равновесию взаимоотношений феодалов в интересах государственного единства.

Не у всех таких лиц были одинаковы методы практики, и применявшиеся ими „средства оправдывались целью“ в разной степени допустимо. Наибольшей близостью к желанному тогда образу государственного правителя считался Владимир Мономах, как о том свидетельствуют история и легенда. Речи Мономаха, его автобиография и переписка сообщают единый цельный образ, всегда равный себе, созданный на основе принципов „духовной“ теории и здоровой практики. Оригинал этого образа, Мономах, сам рекомендует его, как пример хороших свойств и благого поведения. И, несомненно, этот образ так и воспринимался, будучи оправдан моралью духовной книжности и незапятнанной биографией героя.

Описывая кончину Ярослава, в 1054 г., из всех сыновей его летописец особенно выделяет Всеволода. Именно он находился при умиравшем отце: „бе бо любим отцем паче все братьи, егоже имяше присно у себе“. „Всеволод же спрята

тело отца своего, възложыше на сани везоша и Киеву [из Вышегорода]... принесше положиша и в раце мороморяне, в церкви святое Софье, и плакася по нем Всеволод и людье вси". Ярослав женил Всеволода на царевне греческой, дочери императора Константина Мономаха, в ознаменование прекращения вражды с греками, вызванной походом старшего Ярославича, Владимира, в 1043 г. В 1053 г. летописец упоминает о рождении сына Всеволодова Владимира „от царице гръкыне". Это и есть Мономах, который так говорит о своем происхождении и наименовании в Поучении детям: „Аз худый дедом своим Ярославом, благословленным, славным, нареченый в крещении Василий, русьским именем Володимир, отцем възлюбленным и матерью своею Мьномахы..."¹

Появление на свет Владимира Мономаха совпало со временем, когда только-что наступил новый период в организации феодального управления Руси. Мономах родился в 1053 г., а в 1054 г. умер его дед, Ярослав Владимирович, завещание которого обусловило дальнейшую историю совместного управления государством целым княжеским родом. Исходной точкой этого порядка было членение Русской земли между потомками Ярослава; при изменении в своем составе, они передвигались по старшинству с менее выгодной области на освобождающуюся лучшую. Самый старший в роде занимал и первостепенный стол — киевский и являлся главой остального княжья и блюстителем государства в целом. Передвижение по стар-

¹ В запутанном объяснении похода Мономаха в Смоленск (см. перечень походов в Поучении Мономаха), куда будто он поехал навести за постройкой там Богородичной церкви (6608 г.), Н. Шляков сообщает следующее: „Мономах не случайно и основывал и закладывал церковь во имя иконы Богородицы Одигитрии Смоленской, которую дед его Константин Мономах благословил свою дочь Анну, мать нашего Мономаха, в 1046 г., в недельный день среду: этот день в Константинопольской церкви... посвящен был богоматери, и служба Одигитрии еженедельно в среду совершалась во храме, построенном во имя ее в V веке царицей Пульхерией, согласно ее завещанию" и т. д. (Н. Шляков. О поучении Владимира Мономаха, Ж. М. Н. Пр., 1900 май, стр. 107, 121—123). Откуда взяты эти данные о матери Мономаха, Н. Шляковым не указано.

шинству в роде претендовало на некую закономерность: дядя имел преимущество перед племянниками, старший брат перед младшими. Переход же областей по прямой линии, в виде наследования от отца к сыну, был собственно неприемлем, как право. Но стройный в отвлеченности, этот порядок в действительности не мог охранить в равной степени все казусы родового права,¹ которые особенно вытекали из сложных изменений княжеского состава. Так, лишенными права на высший стол оказывались сыновья, отец которых умирал, не быв в положении старшего в роде. Бесправию содействовал и произвол старших. И вот многим обездоленным племянникам старых Ярославичей пришлось самим добывать себе волости вооруженной рукой. Затем, у внуков Ярослава выявилось притязание на прикрепление к каждой линии, к каждому племени Ярославова рода определенной „отчины“.

Уже с ранней юности Владимир Мономах был вовлечен в водоворот усобиц, проистекавших главным образом от того, что, осиротевшие при жизни дедов или старших дядей, князья исключались не только из старшинства, не только не получали отцовских волостей, но даже часто и никаких. Этим исключением из старшинства, по мнению С. М. Соловьева, лучше всяких поэтических преданий (напр., о Рогнеде)² объясняется непримиримая вражда Полоцких Изяславичей

¹ Мы не имеем намерения обсуждать теорию „лествичного восхождения“ князей к старшинству, выдвинутую С. М. Соловьевым, как реально действовавшую систему, но просто опираемся на самые факты княжеских переходов, удачно сгруппированные и остроумно обобщенные С. М. Соловьевым. Собственно и противник этой теории А. Е. Пресняков возражает главным образом против подгонки фактов под схему.

² Под 1128 г. Лаврентьевской летописи: „О сих же Всеславичих сице есть, яко сказаша ведущии, преже: яко Роговолоду держащую и владеющую и княжащую полотьскою землею, а Володимеру (т. е. Владимиру I Святославичу) сущю Новегороде, детьску сущю еще и погану, и бе у него Добрыня воевода, и храбор и наряден мужь, и съ посл: к Роговолоду и проси у него дщере за Володимера. Он же рече дщери своей: хоцещи ли за Володимера? Она же рече: не хочю розути робичича, но Ярополка хочю. Бе бо Роговолод пришел из заморья, имейше волость свою Полтескъ.“

к потомкам Ярослава I, объясняются движения Ростислава Владимировича, судьба и поведение сыновей его: борьбы с обездоленными князьями на востоке и на западе, с Вячеславичем, Игоревичами, Святославичами — наполняют время великокняжения Изяслава (ум. 1078 г.), Святослава (ум. 1076 г.), Всеволода (ум. 1093 г.) Ярославичей и Святополка Изяславича (ум. 1113 г.) и стихают лишь при великокняжении Владимира Всеволодовича Мономаха (ум. 1125 г.).

По смерти Ярослава I (1054 г.) осталось пять сыновей. Старший из них, Изяслав, стал к прочим братьям „в отца место“; младшие братья были: Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь; у них был племянник Ростислав, сын старшего Ярославича, Владимира, умершего еще при жизни отца (1052 г. в Новгороде); этот Ростислав, вследствие преждевременной смерти отца, не мог надеяться получить старшинство; он сам и потомство его должны были ограничиться одною какою-нибудь волостью, которую им отведут старшие родичи.

Ярославичи распорядились так своими родовыми волостями:

Слышав же Володимер, разгневался о той речи, оже рече: не хочу я за робичича; — пожалиси Добрына и исполнися ярости, и поемша вои — идоша на Полтески победиста Роговолода. Рогъволод же вбеже в город, и приступивъше к городу, и взяша город, и самого князя Роговолода изымаша, и жену его и дщерь его; и Добрына поноси ему и дщери его, нарек ей робичица, и повеле Володимеру быти с нею пред отцем ея и матерью. Потом отца ея уби, а саму поя жене, и нарекоша ей имя Горислава; и роди Изяслава. Поя же паки ины жены многы, и нача ей негодовати. Неколи же ему пришедшю к ней и уснувшю, хоте и зарезати ножемъ; и ключися ему убудитися, и яю ва руку. Она же рече: сжалилася бях, зане отца моего уби и землю его полони, мене деля; и се ныне не любиши мене и с младенцем сим. И повеле ея устроитися во всю тварь царьскую, якоже в день посяга ея, и сести на постели светле в храмине, да пришед потнеть ю. Она же тако створи, и давши мечь сынови своему Изяславу в руки наг, и рече: яко видеть ти отецъ, рци, выступя: отче! еда един мнишися ходя? Володимер же рече: а кто тя мнел еде? и поверг мечь свой, и созва боляры, и поведа им. Они же реша: уже не убий ея детяти деля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей с сыном своим. Володимер же устрои город и да има и нарече имя городу тому Изяславль. И оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлим внуком“.

legendum fortasse суньца, что принял впоследствии в своей хрестоматии и Буслаев: унеинь — иначе уньць — просящий, алчущий и прибавляет у н и т и — просить (значит ли унити — просить, сомневаюсь...). Б л ё в с к и й в м. *унсина* читает уныена — слово, видимо придуманное им специально для этого места — и передает: *paroje, nakormicie znużonego* (Mon. Poloniae hist., I, 871). Перебрал все эти объяснения и Н. Петровский в статье: По поводу труда Н. П. Некрасова „Заметки о языке Повести врем. лет по Лавр. списку...“ ИОРЯС, т. I, кн. IV, 832; II, кн. 7, 104, и прибавляет: не следует ли в данном месте видеть неправильную *distinetio editoris*? Подобных ошибок много не только у Мусина-Пушкина, но и у Бередникова. Кажется, без особых натяжек можно бы было читать: куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите, *оуне* и *наиболе* же чтите гость, т. е. напоите, накормите, а самое главное почитайте гостя. (См. Русск. фил. вестн., 1897, №№ 3 и 4, 170—171). Мнение Соловьева, Миклошича, Белёвского хорошо в двух отношениях: 1) кабардинский язык и иные остаются не потревожены; 2) понятие *бедняк*, *zpeżony* вполне подходят к этому месту. Нельзя ли объяснить это *унеина* как чисто палеографическое недоразумение? Ведь далее идут слова *ти бо мимоходячи*, относящиеся, без всякого сомнения, и к ясному *гость* и к неясному *унеина*. Если *мимоходячи* одинаково относится к тому и другому слову, это значит, что оба они должны иметь нечто однородное. Не вышло ли *унеина* по неразборчивости, из двух слов: *убога* и *нища*, или *убога* и *странна*? Мне кажется что здесь искажение больше, чем думали Мусин-Пушкин и Белёвский“ (Ивакин, стр. 133, 134).

СЕ МЕЧИ — СЕМЕЧИ, СЕМЦЮ — СЕМЦЮ

„Я се мечи и полонь весь отяхомь“ — перевод и мечи ихъ и полонь весь отняли“ — Мусин-Пушкин (стр. 85).

„Только Семцю яша одинаго живого, ти смердь нѣколико“ — перевод уронъ нашъ состоялъ въ томъ, что Семцу одного живаго.

у нас в полон взяли и несколько рядовых“ — Мусин-Пушкин (стр. 37).

Отняли у них мечи и всю добычу — перевод А. Клеванова (стр. 143)... только одного Семцю взяли живого да несколько крестьян — А. Клеванов (1871, стр. 144).

И отняли у нее (т. е. у рати Половецкой) мечи и весь полон — И. Лашнюков... Половцы захватили у нас одного семца да несколько смердов (И. Лашнюков, 1873, стр. 4).

„а семечи и полонъ весь отяхомъ“ — Н. Шляков... „толко семцю яша одиного живого“ — Н. Шляков (стр. 104). Предлагая читать „Воровича“ вместо „Вороница“ Шляков провидит в последнем слове замену ч посредством ц, в связи с чем вот что говорит в примечании к этому месту.

„1) ц. вм. ч. как в пути [№] 29 семечи (= семьць вин. русск. на ъ вм. а). Здесь я решительно стою за семечи = семьци потому что и в народной поэзии, донине живущей, и в остатках ее, уцелевших в летописи, оружием восточных народов считается „сабля острая“, а не индоевр. обоудоострый мечь. Семцы попали к Белкагину, когда он шел на Русь Муравскимъ шляхом Больш. Чертежа (СПб., 1838, 87). Семцы там стоят, как пленники, наряду с другим, может быть, неодушевленным „полоном“. Такого семцю (ошиб. — ю) имеет в виду Мономах и при описании [№] 40 пути. Из последнего примера видно, что семцы были привилегированное население — колонисты, что-то вроде наших казаков: они противопоставляются смердам. Это предки Всеволодовских курян — сведомых кметей“ (Н. Шляков. ЖМНП, 1900, май, стр. 121).

В июльской книге (1900 г.) „Журнала Министерства народного просвещения“ Н. Шляков высказывается иначе (стр. 20 и 21): „Семечи и семцю в Поучении есть семьца (ъ) и семьци и означает поселенцев по Семи, пользовавшихся, повидимому, привилегированным положением, а потому, вероятно, обязанных оберегать границу.

... семечи вместе с Вороницы..., может быть, говорят за новгородское происхождение Лаврентьева оригинала „Поучения“.

„а се мечи и полонъ весь отяхом“ — Ивакин (стр. 42) и здесь в примеч. 45 к *се мечи* Ивакиным предложено: „все = вьсь; вежи“ вместо „се мечи“.

„... только Семцю яша одного живого ти смердъ нѣко-
лико“ — Ивакин (стр. 43).

В комментариях Ивакин так высказывается о словах *се мечи* и *полонъ весь*: „у Белёвского *vron* и *plon* *wszystek* *im odebrawszy...*“ у Эрбена *tu jsme jim odnali* *meše* и *veškeru* *korist*. Миклошич называет *се мечи* *dubium* — и справедливо. Но, думаю, одно место в Ип. л. может объяснить, что было тут до порчи. В 1152 г. Мстислав Изяславич известил отца, „оже Богъ ему помогъ половцы побѣдiti на Угль и на Самарь, и *полонъ* многъ взял самъхъ прогна, *вежъ* ихъ пойма, конъ ихъ и скоты ихъ зая и множество душъ крестьяныхъ отпони“ (317). Подобно Мстиславу отпониая у половцев христиан (= *полонъ отяхомъ*), Мономах отнял у них, надо полагать, и *вежи* — слово, искаженное впоследствии в *мечи*. Об отнятии *веж* говорится и в самом Поучении (у Варина *вежъ* *взяхомъ* — далее) и часто, при описании каждого удачного похода на половцев, в летописи. Сомнительным остается *се*. Не есть ли это *все = вьст = вься* (в летописи вместо напр. *за ня* или *за нѣ* бывает не только *за не*, но и *за нѣ*. Лавр. 165), т. е. вин. п. мн. ч.? О смешении *вьсь* и *сь* говорено выше. Смотри также далее в пр. к Пис. к Олегу...“ (Ивакин, стр. 169).

„Семцю. Кто был этот Семца? Быть может, какой-нибудь знатный человек, живший около Прилука. Говорю — знатный, иначе Мономах не упомянул бы его по имени, как не упомянул он по именам взятых с Семцею смердов. Имя это звучит в названии с. Семьче: половцы приѣхаша къ Полоному къ святѣй Богородицѣ къ граду Десятинному, и къ Семьцю (Ип. 380). Сравн. упомянутое в завещании Калиты с. Семин-

ское в Моск. обл. (Собр. Гос. гр. и дог., I, 53)“ (Ивакин, стр. 177).

В юбилейном сборнике Академии Наук в честь академика А. И. Соболевского (Л., 1928) помещено этимологическое исследование академика Б. М. Ляпунова: „Семья, сеябр — шабёр“. Указав на то, что А. И. Соболевский обратил внимание на слово „семцю“ в Поучении Мономаха (Ученые записки высш. школы г. Одессы, Отд. гуман.-общ. наук, т. II, 1922, стр. 61—62), Б. М. Ляпунов сам обращается к анализу этого речения. „Не справляясь с прежними изданиями Лаврентьевского списка, отмечу лишь, что во 2-м издании Археогр. ком. 1926 г. «Семцю» напечатано с большой буквы, что дает повод думать, что редактор признал это слово собственным именем, а отсутствие этого слова в «Материалах для слов. древне-русс. яз.» Срезневского заставляет думать, что таково было мнение и Срезневского и других исследователей языка русских летописей и в частности внесенного в Лавр. список «Поучения», о котором имеются и специальные исследования Ивакина (1901) и Н. В. Щякова (ЖМНП, 1900), правда, почти исключительно с точки зрения историко-литературной. Между тем А. И. Соболевский в указанной мною, весьма интересной и важной для исследования словарного состава и словообразования древнерусского языка, статье совершенно справедливо, я думаю, считает семца родственным со словом сѣмья, возводя к *сѣмьця (*sěmьcá) со значением „младший член семьи, слуга“ (стр. 257).

„В «Поучении» Владимира Мономаха, приведено не совсем ясное для нас выражение „семцю“. Допустим—это „земец“. Нужно сознаться, что о земцах даже более позднего времени (XV в.) мы знаем очень мало. Насколько позволяют судить скудные источники, все же видно, что это — мелкий землевладелец, но стоящий по своему достатку выше крестьянина и отличающийся от него тем, что земец эксплуатирует в своем небольшом хозяйстве чужой труд. В Псковской I летописи под 1431 г. называются земцы: „а земцы березкыи

даху мастером 300 рублей“ (речь идет об укреплении Гдова!). В Псковской II летописи то же место сформулировано яснее: „а на гдовских земцах, в кого тамо отчина, взяти 300 рублей в камену стену“. Земцев приходится, таким образом, рассматривать как одну из низших прослоек господствующего класса. Это вотчинники, а не крестьяне“. (Б. Д. Греков. Киевская Русь, Изд. 4-е АН СССР, 1944, стр. 129).

ГЛАВА XII

ИЗДАНИЯ ТЕКСТА И ПЕРЕВОДЫ СОЧИНЕНИЙ ВЛАДИМИРА ВСЕВОЛОДОВИЧА МОНОМАХА, СОХРАНИВШИХСЯ В ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своимъ, названная в летописи Суздальской Поученье. Въ Санкт-Петербурге, печатано в типографии Корпуса чужестранныхъ Единоверцовъ 1793 г. Текст сочинений Мономаха с переводом на соврем. русск. язык. Труд гр. А. Н. Мусина-Пушкина (при помощи И. Н. Болтина).

Полное собрание русских летописей... Том первый, вып I, II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. [Текст сочинений Мономаха на стр. 100—107. То же см. во всех последующих изданиях Лаврентьевской летописи].

С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. II. 1852 [пересказ-перевод письма Олегу]; т. III, М., 1853, стр. 101—104, и отчасти II, стр. 38—40 [перевод-пересказ Поученья].

Chronica Nestoris. Textum Russico-Slovenicum versionem latinam Glossarium edidit Fr. Miklosich. Volumen primum textum continens. Vindobona. 1860, § LXXX, стр. 146—159, 216—220.

В I томе Monumenta Poloniae historica (1864) находится текст Несторовой летописи и ее перевод Ивана (Яна) Вагилевича на польский язык: Latopis Nestora z dodatkiem Monomacha nauki i listu do Olega, w originale i polskiem tłumaczeniu wydali i objasnili August Bielowski i Jan Wágilewicz.

Карл Яромир Эрбен (Erben) перевел „Повесть временных лет“, со включением и сочинений Мономаха на чешский язык: Nestorov letopis, Прага, 1867.¹

Александр Клеванов. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1871. [Перевод на совр. русск. язык сочинений Мономаха на стр. 137—150].

„Учебная библиотека“. Поучение детям Владимира Мономаха. С приложением Послания Мономаха к Олегу, поучений — Ксенофонта, Некогого отца, Св. Василия Великого и материалов для характеристики Мономаха. Редакция и примечания В. А. Воскресенского. СПб., 1893. Тексты Поучения и Послания и перевод сочинений Мономаха на стр. 1—22.

И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Часть первая. Поучение детям, Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901 г. Реставрация текстов и издание их с толкованиями. Приложение других поучений из летописи [Ярослава, сузд. княгини Марии, сузд. кн. Константина и поучения Ксенофонта по-гречески, с переводом Дмитрия Ростовского].

¹ Имеются еще глухие ссылки на переводы „Повести временных лет“ без указания, переведено ли в ее составе и „Поучение“ Мономаха: „Одновременно с изданием [„Повести вр. лет“] Миклошича предпринято было в Киеве издание Котковского с переводом на польский язык. В 1812 г. был сделан перевод „Повести“ на немецкий язык Иосифом Миллером в Берлине, в 1834 г. Луи Пари на французский язык в Париже, в 1849 г. на шведский язык в Гельсингфорсе..., в 1869 г. в Копенгагене Смит—на датский язык. В 1868 г. часть летописи была переведена на французский язык Луи Ложе и приложена к его докторской диссертации „О Несторе“. Им же сделан перевод всей летописи в 1884 г. В том же году вышел во Львове перевод К. Лучаковского на латинский язык. (Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. 1944 г., стр. 70, 71). И. М. Ивакин заметил: „О французском переводе [поучения Мономаха] Louis Paris можно заметить, что он изящен, но кое-где фантастичен“ (Кн. Владимир Мономах, ч. I, М., 1901, стр. 36, прим.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Глава I. Летописные и некоторые другие данные для биографии Владимира Мономаха</i>	5
<i>Глава II. Средневековая история и легенда о Владимире Мономахе</i>	34
<i>Глава III. Церковная политика Владимира Мономаха</i>	54
<i>Глава IV. Поучение Мономаха как основа его характеристики</i> . .	66
<i>Глава V. Характеристики Мономаха, принадлежащие нашим ученым</i>	71
<i>Глава VI. Место сочинений Мономаха в Лаврентьевской летописи</i> .	84
<i>Глава VII. История вопроса, когда написано Поучение Мономаха</i> .	100
<i>Глава VIII. Историко-литературное изучение Поучения Мономаха</i> .	108
<i>Глава IX. Поучение Мономаха. Текст, перевод, комментарии</i> . . .	127
<i>Глава X. Письмо Мономаха Олегу Святославичу. Текст, перевод, комментарии</i>	152
<i>Глава XI. Молитвенное обращение. Текст, перевод, комментарии</i> .	162
<i>Глава XII. Первое издание сочинений Владимира Мономаха в связи с последующими толкованиями темых мест текста</i>	170
<i>Глава XIII. Издания текста и переводы сочинений Владимира Всеволодовича Мономаха, сохранившихся в Лаврентьевской летописи</i>	188

А. С. ОРЛОВ — ВЛАДИМИР МОНОМАХ

*Печатается по постановлению
Редакционно-Издательского Совета
Академии Наук СССР.*

*

РИСО АН СССР № 2695. М. — 0920. Под-
писано к печати 1/XI 1946 г. Печ. л. 12.
Уч.-изд. л. 15. Тираж 8000. Зак. № 448.

*

Ц-я тип. Академии Наук СССР. Ленинград,
В. О., 9 л., 12.

1970 M.

15 pvo.